

Н. В. Лукьянович

**МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ.**

Тайны и загадки военной службы
русского офицера и поэта

Николай Лукьянович

**Михаил Юрьевич Лермонтов.
Тайны и загадки военной службы
русского офицера и поэта**

«Наш мир»

2023

УДК 82-94
ББК 84(2)6

Лукьянович Н. В.

Михаил Юрьевич Лермонтов. Тайны и загадки военной службы русского офицера и поэта / Н. В. Лукьянович — «Наш мир», 2023

ISBN 978-5-907549-49-4

Представленная монография посвящена малоизвестным страницам жизни Михаила Юрьевича Лермонтова - его военной службе, которая оказала глубокое влияние на творчество великого поэта. В ней также подробно рассмотрены социальный статус, психология, духовные и ценностные ориентиры русских офицеров того времени, в первую очередь, друзей и сослуживцев поэта. В книге приведены воспоминания современников Лермонтова, а также официальные документы о его военной службе в гвардии и на Кавказе. Монография адресована всем читателям, которые ценят и любят творчество великого русского поэта и офицера Михаила Юрьевича Лермонтова. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907549-49-4

© Лукьянович Н. В., 2023
© Наш мир, 2023

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
1.1. Победа в войне с Францией и ее влияние на русское государство и общество	8
1.2. Русский офицерский корпус. Армия и гвардия	16
1.3 Быт, психология и мировоззрение русских офицеров гвардии	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Николай Лукьянович
Михаил Юрьевич Лермонтов.
Тайны и загадки военной службы
русского офицера и поэта**

© Н. В. Лукьянович, текст, 2023

© Издательство «Наш мир», оформление, 2023

Введение

Название этой книги выбрано не случайно, именно так – «русский офицер и поэт» – представлялся и писал о себе Михаил Юрьевич Лермонтов. Но если о его творчестве написаны многие тома, по объему больше чем все его сочинения, то о Лермонтове как о русском офицере не написано практически ничего, если не считать отрывочных воспоминаний его современников и сослуживцев. Систематизированного и глубокого исследования этой стороны его жизни не проводилось не только в советской России, но и ранее в императорскую эпоху. Причины такого положения будут раскрыты в ходе представленного исследования, но, без сомнения, это обстоятельство еще больше осложняет проблемы изучения и так непростой и короткой жизни русского офицера, поэта и мыслителя.

Ситуация не изменилась и в современной России. Незаметно прошло в ней празднование 200-летия со дня рождения Лермонтова. Как отмечали многие исследователи его творчества (их почему-то называют лермонтоведами), Михаила Юрьевича убивали не только при жизни, гораздо чаще это делали после его физической смерти. Причина ненависти к нему, переходящей в откровенную клевету и подлость, связана, безусловно, с его несомненной гениальностью, проявившейся достаточно рано, еще в юном возрасте, аналогов которой трудно найти в мировой литературе. Его сильный провидческий дар, глубокое внутреннее видение людей и общества, незаурядные умственные способности всегда были ясны даже его открытым недоброжелателям, что, конечно, не прибавляло ему друзей или просто приятелей.

Зависть – вполне понятное чувство. Но она далеко не все объясняет в трагической судьбе Лермонтова. Ведь он был, в первую очередь, русским офицером, как он сам это постоянно подчеркивал, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме того, он осознавал, что состояться в полной мере как поэт он мог только в великой стране. Это в начальный период советской эпохи Российскую империю превратили в исчадие зла, но в то время она, выигравшая тяжелейшую Отечественную войну против объединенной Европы, представлялась русским людям спасительницей от казалось бы неизбежной гибели и государства, и самой нации.

Это великое историческое событие во многом сформировало самосознание Лермонтова, и в основе его лежали смыслы, ценности, убеждения русского офицера, монархиста и православного человека. Его принадлежность к русской аристократии, – аристократии военной, а не денежной, которая доминировала в Европе, накладывала явственный отпечаток на его поведение и на его творчество. Именно это обстоятельство определило в последующем столь двойственное отношение к Лермонтову вначале русской, а потом и советской интеллигенции – в ее среде приветствовалось только критическое отношение к российской действительности. Отсюда и постоянные попытки записать его в «противника самодержавия» и исторической России, не гнушаясь при этом откровенными подлогами.

Ситуация осложнялась еще и тем обстоятельством, что отношение императора Николая I к Лермонтову было достаточно негативным, но к его чести будет сказано, что он ничего не предпринимал в отношении поэта, что противоречило бы неписаному кодексу первого дворянина империи и первого ее офицера. Исследователям малоизвестен тот факт, что патент поручика лейб-гвардии Лермонтов получил на Кавказе, то есть формально он оставался гвардейским офицером и в период так называемой кавказской ссылки. Почему так называемой? Потому что, с точки зрения военного человека, ссылки как таковой не было, – был перевод офицера из одного полка в другой, что в любой армии любой страны и в любую эпоху является абсолютно нормальным явлением. Другое дело – мотивы такого перевода. Понятие «ссылки» ввели именно для того, чтобы внести Лермонтова в списки «противников самодержавия», представить поэта как врага существовавшей власти, а его самого как жертву деспотизма и про-

извола. Необходимо сказать, что и сторонники казенно-патриотического направления немало сделали для того, чтобы такой образ Лермонтова остался в общественном сознании.

При этом следует подчеркнуть, что все исследователи творчества Лермонтова не были военными, в том числе и первый биограф П. А. Висковатов, соответственно, эта сторона жизни поэта была для них своеобразной «terra incognita». А учитывая тот факт, что отчуждение образованного штатского общества от военной среды в России нарастало на протяжении всего XIX века, то неудивительно, что военная служба рассматривалась многими его представителями как нечто тягостное и невыносимое для поэта, что, конечно, не соответствовало действительности. Лермонтов был не только гениальным поэтом, но он был прекрасным офицером, точнее русским офицером, и это соединение сделало его творчество столь притягательным для его искренних почитателей и не только в нашей стране, и столь ненавистным для его врагов как в России, так и вне ее.

Именно поэтому понять мотивы произведений Лермонтова, проникнуть в их суть, постичь их сокровенный смысл, невозможно не понимая традиций, обычаев и ценностей той социальной среды, с которой он был связан всю свою недолгую жизнь – русского офицерского корпуса, принадлежность к которому он сознавал остро и постоянно. Именно эта среда оказала сильнейшее влияние на формирование его мировоззрения и его идеалов. Его творчество в той или степени связано с этой средой и наивысшими своими достижениями он обязан именно ей.

С юношеских лет мы помним изображения великого поэта Лермонтова в мундире русского офицера, в нем он и ушел навсегда в вечность и, следовательно, он до конца оставался верен своему призванию.

В данной монографии будут приведены подлинные документы о военной службе поэта только для того, чтобы читатель мог погрузиться в атмосферу той эпохи, почувствовать ее неповторимое обаяние и вынести ясное и твердое убеждение, что Россия сможет преодолеть любые трудности, если она будет помнить своих великих мыслителей и героев, к числу которых, несомненно, относится и Михаил Юрьевич Лермонтов.

Автор выражает искреннюю благодарность и признательность Виктору Вячеславовичу Боченкову и Лидии Андреевне Сычевой за ценные советы и рекомендации, сделанные в ходе подготовки данной книги.

Глава 1

Русское общество и русская армия после Отечественной войны 1812 года

1.1. Победа в войне с Францией и ее влияние на русское государство и общество

Для того чтобы осознать значение личности и творчества Лермонтова в русской истории и литературе, необходимо понимать, в какой атмосфере он воспитывался и жил, какое влияние оказали на него общественные настроения той эпохи, какие смыслы и ценности исповедовали те социальные группы к которым он принадлежал в силу своего происхождения, воспитания и образования.

Как указано во всех биографиях поэта, Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве 15 октября 1814 года (по новому стилю), то есть примерно через полгода после взятия Парижа русской армией при участии прусских и австрийских войск. 31 марта 1814 года Александр I во главе гвардейской кавалерии вошел в столицу Французской империи.

Так победоносно завершилась для России Отечественная война, которую в нашей историографии почему-то принято обозначать только 1812-м годом, как бы забывая о том, что русская армия воевала еще два долгих года с врагом, едва не уничтожившим и русское государство, и русскую цивилизацию. Победа в войне, наконец, разбудила в народе те силы, о которых не подозревали ни враги, ни друзья, а, возможно, и сам народ.

Понимание высшей истины, как для человека, так и для нации обычно приходит в минуту опасности для жизни, а война – это непрерывная цепь постоянных опасностей. Именно поэтому очень часто войну не только не проклинали, но войну и благословляли.

Вступление русских войск в Париж 31 марта 1814 года. Неизвестный художник.

Немецкий философ Г. Гегель считал, что она поддерживает нравственное здоровье народов [1], но и до него философ Гераклит в Древней Греции утверждал, что отсутствие войны навлечет проклятие на людей. Почему? Война резко определяет границу между добром и злом в их глубинном сущностном понимании, на ней нельзя быть, как в обычной жизни, немного плохим, немного хорошим, она срывает все маски и личины как с отдельно взятого человека, так и со всего народа.

Несомненно, что отблеск этого великого исторического события отразился на творчестве Лермонтова самым непосредственным образом, и первое, что приходит в голову – это мысль, что невозможно, изучая эту эпоху, пройти мимо его гениального стихотворения «Бородино».

Вообще объективное исследование жизни и творчества поэтов, писателей, философов, художников, ученых предполагает изучение общественных условий той исторической эпохи, в которой они жили и творили. Поэтому, как справедливо отметил русский историк и издатель П. И. Бартенев, сыгравший в посмертной славе Лермонтова крайне противоречивую роль, о которой будет рассказано ниже – «стоит только прочесть описание Отечественной войны, чтоб не любящему России возлюбить ее, а любящему ее полюбить еще жарче, еще искреннее и благодарить Бога, что такова Россия» [2].

В этой связи нельзя не отметить, что Отечественная война вызвала невиданный ранее в российском обществе взрыв патриотизма, осознание его как «общего несчастья» по выражению древнегреческого философа Платона, позднее повторенного Л. Н. Толстым. Русское общество, возможно, впервые за последние сто лет объединилось в единый народ без различия сословий, вероисповеданий и этнических особенностей. Вероломное нападение на империю, разграбление приграничных губерний, а потом и Москвы, не могло не сплотить всех русских людей – от государя до последнего крестьянина. Пушкин в 1836 году в стихотворении «Была пора...», посвященном 25-ой годовщине Лицея, писал:

...Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа
Еще грозил и колебался он.
Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега...

И после всех тяжелейших испытаний – разорения многих городов и деревень, сожженной Москвы, – Россия получила заслуженную награду – Великую Победу, с которой в истории страны может сравниться только Победа в 1945 году, или Победа на Куликовом поле. Русской армии заслуженно приписывалось величие этой Победы. Более 200 тысяч солдат и офицеров погибли в войне – невиданные потери в истории России. Их храбрость и высокие человеческие качества вызывали восхищение даже у врагов. В своих известных мемуарах «История Наполеона и его Великой Армии в 1812 году» адъютант Наполеона генерал граф Филипп-Поль де Сегюр отмечал великодушные русских воинов и русского императора, которые не тронули и не разграбили столицу вражеской империи [3]. И действительно, если в главном храме России – Успенском соборе в Москве, завоеватели устроили конюшню, то ни один храм, и ни один памятник не пострадал от рук русских не только в Париже, но и во всей Франции. Об этом с

восторгом писали многие французские писатели, в частности, Ипполит Оже, поступивший на службу в русскую гвардию в 1814 году. Он вспоминал, что у французов создавалось впечатление, что «северные варвары», как привыкли называть в Европе наших солдат и офицеров, оказались в Париже не как завоеватели, а случайно, из простого любопытства, из желания пожить вместе с ними [4, с. 58].

Еще большее восхищение и преклонение перед своей армией было на родине, она на деле доказала храбрость и стойкость перед лицом объединенной Европы и этим заслужила всеобщее восхищение и уважение. В который раз в истории страны русские воины спасли ее от порабощения. Ведь многие наши писатели, поэты, государственные и военные деятели отмечали, что история России – «есть история непрерывающейся ВОИНЫ». Но «при военном характере государства невозможно, чтоб военное сословие не первенствовало в государстве» [5].

С необычайной силой это настроение выразил Пушкин в своей замечательной, очень светлой и романтической повести «Метель»: «Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу... Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество! Как сладки были слезы свидания! С каким единомыслием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: ура! И в воздух чепчики бросали. Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?..».

Описывая много лет спустя возвращение русской армии из заграничного похода 1813–1814 гг., участник Отечественной войны поэт Федор Глинка написал в 1861 году стихотворение «Воспоминанье о былом», в котором были такие строки:

...Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе – покой, в устах – «ура!»,
Пришла домой...

11 августа 1814 года. Возвращение в Санкт-Петербург русских войск с Отечественной войны. Из газеты «Северная почта» за 11 августа: «Лейб-гвардии полки Преображенский, Семёновский, Измайловский, Егерский, Гвардейский морской экипаж и две роты гвардейской артиллерии, возвратившиеся из славного своего похода, вступили в сию столицу. Они проходили чрез Триумфальные ворота, воздвигнутые от города в честь и славу великих подвигов, возвративших мир Европе...».

Это было время больших надежд для России и многие образованные люди считали, что перед ней открываются новые возможности и новые перспективы. Так же считали и в Европе, например, тот же граф Филипп-Поль де Сегюр писал в своих воспоминаниях, что этот «великий (русский. – Авт.) народ создаст великую эпоху».

В какой степени эти надежды сбылись и могли ли они осуществиться в полной мере? Ведь, невзирая на героизм армии, только «дубина народной войны», по выражению Толстого, позволила России одолеть могущественного врага.

Верещагин В. В... Не замай! Дай подойти. 1887–1895 гг.

Несомненно одно, что после Отечественной войны русский народ, как заметил в своей книге «Россия и русские» известный публицист и экономист Н. И. Тургенев, был проникнут чувством своей силы и достоинства, и поэтому как власти, так и помещики вели себя по отношению к крепостным крестьянам очень осторожно. Возможно, отмечает Тургенев, им мешала совесть поступать «сурово с людьми, принесшими такие великие жертвы своей родине».

Нельзя не отметить, что этими идеями было пропитано почти все русское образованное общество. Именно поэтому, под влиянием этого стихийно возникшего чувства, в своем недописанном рассказе «Вадим» совсем еще юноша Лермонтов назвал русский народ «сторукиим исполином».

Между тем в манифесте императора Александра I о ежегодном чествовании дня избавления России от неприятельского нашествия (официальное название «Всемиловивейший Манифест. Об учреждении крестов для Духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях») в пункте б было указано: «Крестьяне, верный Наш народ, да получит мзду свою от Бога... то не токмо на нынешний год, но уповательно и на будущий или более останутся они без набора рекрут. Между тем Мы предполагаем и ожидаем несомненно, что они в наставшее после жестокой брани мирное и спокойное время, пребывая верны долгу и званию своему, умножат прилежание свое к сельским трудам и ремесленным промыслам, и тем исправят нанесенные неприятелем разорения».

Таким образом, после тяжелейшей войны и неизбежного, связанного с ней разорения, крестьяне не получили ничего, что, конечно, вызвало недоумение не только у них, но и у большинства образованных людей из всех сословий. Многие ожидали освобождения крестьян от крепостной зависимости. Но сопротивление ее уничтожению со стороны основной части дворянства было столь велико, что с этим не мог не считаться император. Так, государственный секретарь и известный писатель вице-адмирал А. С. Шишков предлагал царю в проекте манифеста указать, что между помещиками и крепостными издавна существует добрая

связь, основанная, по его мнению, на обоюдной пользе. С этими формулировками Александр I решительно не согласился, что дало повод Шишкову с горечью отметить, что «несчастное в государе предубеждение против крепостного права в России, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка внушено ему было находившимся при нем Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавших глаза и сердце свое от одежды, языка, нравов, словом, от всего русского».

При всей своей внешней приверженности к русским началам Шишков был твердым сторонником сохранения крепостного права. Вероятно, он полагал, что если не все, то большинство помещиков относятся к крестьянам должным образом, то есть примерно так, как помещик Гринев к Савельичу в повести Пушкина «Капитанская дочка». Он был и противником народного образования, хотя занимал пост министра народного просвещения с 1824 по 1828 гг. Обучать грамоте весь народ, по его мнению, принесло бы более вреда, чем пользы: «Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином».

Нельзя сказать, что его сентенции являются проявлением крайней реакции и негативного отношения к народу. Просто то образование, которое получали дворяне, по наблюдениям Шишкова, вместо служения Отечеству прививало презрение к нему, что впоследствии совершенно ясно выразил профессор Московского университета, а потом политический эмигрант В. С. Печерин. Поневоле вспоминаются его стихи, написанные в 1830-х гг., то есть во времена активной творческой деятельности Лермонтова:

Как сладостно – отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничиженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!

Позднее на склоне жизни он напишет в своих мемуарах: «Моя судьба висела на волоске. Не будь матери, которая непременно хотела мне дать наилучшее воспитание, отец давно уж бы записал меня в военную службу, а там я уж несомненно бы погиб и физически, и нравственно» [6]. Удивительно, но почему так не считали многие деятели российской науки и культуры, служившие в свое время офицерами – по подсчетам современного русского историка С. В. Волкова их было немало, а в отдельных сферах деятельности они составляли до половины от общего числа [7]. И это притом, что численность офицеров в России была незначительной – сотые доли процента от общего количества населения.

Таким образом, победа в Отечественной войне приветствовалась далеко не всеми – и не только вне границ России, но и внутри ее. Отсюда и путь к «смердяковщине» – крайнему русофобскому течению в общественной жизни страны, названному так по имени Павла Смердякова, одного из персонажей романа Достоевского «Братья Карамазовы». Его знаменитый монолог («Я всю Россию ненавижу... В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с») в той или иной степени отражал мысли и чувства определенной, но достаточно влиятельной части русского дворянского сословия.

Эта болезнь, «смердяковщина», никуда не исчезла, более того, она расцвела в современной России. Вот как пишет, например, некто В. А. Брюханов в своей, полной исторических подтасовок, книге «Заговор графа Милорадовича»: «Остается только пожалеть, что в 1812 году потерпела поражение не Россия – пусть даже это и вызовет обвинения в антипатриотизме! Ведь в 1812 году Наполеон вовсе не угрожал самому существованию русского народа, как в 1941 году Гитлер, не говоря уже об отношении нацистов к поголовно истребляемым евреям и

цыганам! Основное, что Россия могла утратить в 1812 году – это крепостное право» [8]. Вот так повторяет все тезисы Смердякова так называемый российский историк, живущей в Германии.

В чем причины этих антагонизмов, которые красной нитью проходят через всю историю России? Достаточно вспомнить, что русская цивилизация и Запад при всей их кажущейся внешней близости всегда были противниками, начиная со времени разделения христианской церкви на католическую и православную. Слишком различались и различаются их ценности и смыслы. При этом, безусловно, нельзя сводить понятие «русский» к национальному, конфессиональному или этническому признаку. Оно всегда носило и носит цивилизационный характер, хотя русская цивилизация и была основана на православной вере. Интересно, что Наполеон часто подчеркивал эту особенность русских, называя Александра I «лукавым греком», поскольку именно Россия стала наследницей погибшей Византии. Поэтому многие обрусевшие иностранцы переходили в православие, хотя никто их к этому не принуждал и, наоборот, достаточно часто «оевропеившиеся» русские принимали католическую веру, как тот же Печерин, или переходили в протестантизм.

Известный поэт и дипломат Ф. И. Тютчев в феврале 1854 года так писал об этом вековом противостоянии западной и русской цивилизаций: «...больше обманывать себя нечего – Россия, по всей вероятности, вступит в схватку с целой Европой. Каким образом это случилось? Каким образом империя, которая в течение 40 лет только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охранения интересов чужих, вдруг оказывается пред лицом огромнейшего заговора? И вызвано это столкновение не одним скаредным эгоизмом Англии, не низкой гнусностью Франции, воплотившейся в авантюризме, и даже не немцами, а чем-то более общим и роковым. Это – вечный антагонизм между тем, что, за неимением других выражений, приходится называть: Запад и Восток».

Вот в чем одна из причин медлительности в проведении крестьянской реформы в Российской империи – ее было сложно проводить в условиях постоянных военных угроз. А если эту мысль Тютчева перенести на современную ситуацию, то необходимо признать – она по-прежнему сохраняет свою актуальность.

Возвращаясь к Шишкову, нужно отметить, что все-таки его несомненной заслугой следует считать, что при Николае I высший свет, аристократия и дворянство впервые заговорили на русском языке, что произвело на современников впечатление настоящей революции. Русское национальное начало в полной мере пробудило в основной части образованного общества осознание своей принадлежности к своей истории и своему народу, начало которому положила Отечественная война.

Именно поэтому о Шишкове Пушкин написал:

Сей старец дорог нам: он блещет средь народа,
Священной памятью двенадцатого года...

Но взгляды Шишкова отражали всю слабость русского патриотического движения – его в основном охранительный порядок, нежелание понять, что жизнь постоянно меняется и думать необходимо на перспективу. Для любого мыслящего русского человека в начале XIX века было ясно, что крепостное право в том виде, в каком оно существовало после манифеста о вольности дворянства, изжило себя и его необходимо упразднить. Другое дело, каким образом? И Александр I, и Николай I были убеждены что делать это необходимо постепенно, чтобы не вызвать нежелательных социальных катаклизмов и потрясений.

Это, собственно, и начало происходит уже в царствование Павла I, который законодательно ограничил барщину, к этой же цели стремился и его сын Александр I, подписавший в 1803 году указ о вольных хлебопашцах. В годы правления Николая I были значительно расширены права помещичьих крестьян и создано несколько секретных комитетов, разрабатывав-

ших способы отмены крепостного права. Но все-таки перейти к полномасштабной реформе император так и не решился. Почему? Вероятно, существовали такие силы, с которыми был вынужден считаться даже он. Печальная судьба Павла I ясно показала его сыновьям всю ограниченность так называемой самодержавной власти, ведь существует такая версия, что великий князь Константин Павлович отказался принять престол именно по причине опасения повторить судьбу своего отца. При этом нельзя забывать, что российское государство всегда было военно-служивым и каждое сословие имело свои обязательства перед ним. Как справедливо отмечает в своих воспоминаниях барон Н. Е. Врангель – отец знаменитого белогвардейского генерала, – «не только крестьяне были крепостными в то время и вся Россия была в крепости. Дети у своих родителей, жены у своих мужей, мужья у своего начальства, слабые у сильных, а сильные у еще более сильных, чем они. Все, почти без исключения, перед кем-нибудь тряслись, от кого-нибудь зависели, хотя сами над кем-нибудь властвовали...».

Конечно, эта борьба различных противоречивых начал и тенденций в российском обществе, и не только западного и национального русского, но и многих других не могла не отразиться на состоянии офицерского корпуса. Она отразилась непосредственно и на судьбе самого Лермонтова, как русского офицера и великого поэта.

1.2. Русский офицерский корпус. Армия и гвардия

Как уже отмечалось выше, российское государство длительное время находилось в условиях постоянного и мощного внешнего давления и вело практически непрерывные войны на своих границах. Основным объединяющим фактором в нем была православная вера, в средние века быть русским – это означало быть православным. Но по мере расширения государства и присоединения других народов, имеющих иную конфессиональную принадлежность, понятие «русский» трансформировалось и приобрело цивилизационное и имперское звучание. Быть русским означало быть подданным российского императора или Белого царя, как его называли неправославные народы империи. Отсюда следует простой вывод – русское общество и русская армия всегда были неоднородными по своему этническому составу. Следовательно, и само звание «русский офицер» носило наднациональный характер, хотя в период существования Российской империи, как убедительно показывает С. В. Волков в своей работе «Русский офицерский корпус», подавляющее большинство офицеров составляли русские и православные [9, с. 273–279.].

И это естественно, поскольку русские, а к ним в России было принято относить и белорусов и малороссов, по численности доминировали в империи. Иностранцы, пришедшие на русскую военную или гражданскую службу, постепенно или ассимилировались, или уезжали из России. Так, начальник Школы юнкеров и гвардейских подпрапорщиков, в которой учился Лермонтов, генерал К. А. Шлиппенбах, вел свою родословную от шведского офицера, которого после Полтавской битвы приняли на русскую службу. Безусловно, среди иностранцев были разные люди и это обстоятельство необходимо иметь в виду при характеристике русского офицерского корпуса того времени. Все дело в том, что длительное время миф о засилье иностранцев в государственном аппарате использовался для расшатывания устоев империи, хотя, несомненно, некоторые из них служили отнюдь не новому Отечеству. Недаром ведь канцлера Российской империи при Николае I графа К. В. Нессельроде¹, относившегося к Лермонтову, мягко говоря, не лучшим образом, с легкой руки князя П. В. Долгорукова называли «австрийским министром иностранных дел в России» [10].

Но в большинстве своем русские офицеры иностранного происхождения честно выполняли свой долг. Так, в 1788 году во время русско-турецкой войны капитан второго ранга Х. И. фон Остен-Сакен, осознавая угрозу захвата своего корабля (дубель-шлюпки) неприятелем, приказал команде покинуть ее, после чего лично взорвал его и себя вместе с турками. С этого времени турецкие военные суда перестали подходить к русским кораблям на короткую дистанцию и, уж тем более, пытаться взять их на бордаж. Картины и гравюры, на которых был запечатлен подвиг фон Остен-Сакена, висели в кают-компаниях многих кораблей российского императорского флота вплоть до революций 1917 года.

Другой пример. Зять М. И. Кутузова штабс-капитан и флигель-адъютант (то есть офицер, состоявший в свите императора и выполнявший его особые поручения) граф Ф. И. Тизенгаузен получил тяжелое ранение, когда со знаменем в руках поднимал своих солдат в битве при Аустерлице. Через несколько дней он умер. Считается, что его подвиг лег в основу аналогичного эпизода в романе «Война и мир», когда князь Андрей Болконский едва не был убит в этом сражении.

Между тем, доля немцев, абсолютное большинство которых принадлежало к остзейскому дворянству (а это фактически русские немцы), даже среди генералитета за весь период суще-

¹ Граф К. В. Нессельроде был министром иностранных дел России с 1816 по 1856 гг. и ее канцлером с 1844 по 1862 гг. Результатом его пребывания на этих постах было подавление русскими войсками венгерского восстания в 1849 году и полная международная изоляция империи перед Крымской войной. Отличался неприятием всего российского и до конца жизни плохо говорил по-русски.

ствования империи не поднималась выше 30 %. Что касается национальной и религиозной принадлежности гвардейских офицеров – участников Бородинского сражения, то доля русских и православных, среди которых было много ассимилировавшихся иностранцев, составляла более 90 % [10, с. 273].

Очень часто в литературе того времени можно прочитать о соперничестве между офицерами русского происхождения и офицерами из немцев, в частности, на так называемой Кавказской войне. Как утверждает некоторыми современниками, эти офицеры-немцы группировались преимущественно около выдвинувшегося в 1830-х гг. генерала Г. Х. фон Засса, который в 1840 году был назначен начальником правого фланга Кавказской линии. Это был талантливый генерал, но не особо щепетильный в вопросах личного обогащения. В романе Е. Хамар-Дабанова (это псевдоним – настоящая фамилия автора Е. П. Лачинова) «Проделки на Кавказе» (1844 год), о котором сам военный министр сказал, что в нем «что строчка, то правда», большое место отведено фон Зассу. Такое его поведение подтверждает и А. И. Дельвиг в своих воспоминаниях. Аналогично, в рассказе «Набег» Толстой дает резко отрицательную характеристику поручику из Саксонии Каспару Лаврентьичу. Объясняется это тем, что великий писатель не любил офицеров немецкого происхождения и не считал нужным это скрывать.

Но разве некоторые генералы русского происхождения вели себя иначе? Таковыми пристрастиями отличались и генералы из великороссов, как, например, знаменитый покоритель Западного Кавказа граф Н. И. Евдокимов, которого не без оснований обвиняли в склонности к незаконному обогащению.

Поэтому если и существовали трения и противоречия в офицерской среде, а они были неизбежны как и в любой закрытой корпорации, то менее всего они обуславливались национальными причинами. Русские офицеры, и это нужно подчеркнуть, всегда были носителями имперской идеи и поэтому скрытая ненависть к ним «революционных демократов» вызывалась именно этим обстоятельством.

При этом необходимо отметить, что главным фактором, определявшим социальный статус офицера, была не его национальность, а принадлежность к дворянству. Получение первого офицерского чина со времен Петра I автоматически означало причисление к дворянскому сословию, что открывало возможность продвижения по военной службе и рядовым солдатам, что было нередким явлением в периоды многочисленных войн, которые вела Россия. Принадлежность к благородному сословию даже в начале XIX века, как в Западной Европе, так и в России, определяла социальный статус гораздо больше, чем национальность или даже вероисповедание. Поэтому французский, русский, немецкий или любой другой дворянин из европейской страны по мировоззрению и ценностям часто были намного ближе друг к другу, чем к своим крестьянам одной с ними национальности.

В русской армии в начале XIX века все офицеры были личными и потомственными дворянами, но постепенно добиться потомственного дворянства на военной службе становилось все более затруднительным – с 1856 года его можно было получить лишь, дослужившись до чина полковника или капитана 1 ранга.

Немаловажным был вопрос о финансовом и экономическом положении русских офицеров. Увы, усилиями многолетней советской пропаганды в общественное сознание внедрен миф об их якобы баснословном богатстве. Между тем в XIX веке дворян, имеющих несколько сот крепостных крестьян, даже среди офицеров гвардии было очень мало. Напротив, было много тех, кто крестьян и имущества не имели совсем, как, например, штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского полка С. П. Муравьев. В армейских полках это было обыденным явлением, так, к примеру, 90 % офицеров Ямбургского полка вообще не имели крепостных крестьян [11].

Необходимо также учитывать, что на протяжении всего XIX века материальное положение дворянства постоянно ухудшалось, и доля дворян, не имевших какой-либо собственности, неуклонно возрастала. По данным 8-ой ревизии (1834 год), которые приводит С. В. Волков в

уже упоминавшейся книге «Русский офицерский корпус», 14 % дворян были беспоместными, 45,9 % дворян-помещиков имели менее 20 душ крестьян, а к 1850 году таковых стало больше половины.

Несмотря на то, что в начале XIX века все офицеры были дворянами, положение армейского офицерства было полунищенским, иногда хуже, чем обычного мастера или торговца в каком-либо крупном городе. «Повесть о капитане Копейкине» Гоголя, включенная им в 10 главу «Мертвых душ» является наглядной иллюстрацией такого положения дел. Впоследствии Достоевский рисовал крайне неприглядные картины униженного материального положения офицерского корпуса после окончания Крымской войны: «Майоры и полковники, смеющиеся над бессмысленностью своего звания и за лишний рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу; генералы, перебежавшие в адвокаты» [12, с. 354]. Он их не выдумал этих офицеров – денежная аристократия к этому времени окончательно победила военную, и «великий немой», как называют армию во Франции, была отодвинута на вторые роли в обществе и государстве. О ней теперь вспоминали только в случае возникновения непосредственной военной угрозы или войны.

Отношения между русским офицерством и обществом, включая дворянскую его часть, всегда были достаточно неоднозначными. Офицеры имели некоторые преимущества по службе, которых не имели штатские чиновники – «подьячие», по выражению великого князя Михаила Николаевича. Они пользовались определенными привилегиями и в повседневной жизни, хотя некоторые из них, с современной точки зрения, носили откровенно анекдотический характер. Так, например, при Николае I только офицерам разрешалось носить усы, а чиновникам, в том числе и дворянам, это запрещалось.

Русские офицеры традиционно, как и в любой монархической стране, считались опорой существующего политического строя. Это обстоятельство способствовало росту отрицательного отношения к офицерам вестернизированных представителей русского образованного общества. Яркой иллюстрацией этого тезиса является случай, описанный в романе «Бесы» Достоевского: «Престарелый генерал Иван Иванович Дроздов... ужасно боявшийся атеизма, заспорил на одном из вечеров Варвары Петровны с одним знаменитым юношей. Тот ему первым словом: «Вы, стало быть, генерал, если так говорите», то есть в том смысле, что уже хуже генерала он и брани не мог найти. Иван Иванович вспылил чрезвычайно: «Да, сударь, я генерал, и генерал-лейтенант, и служил государю моему, а ты, сударь, мальчишка и безбожник!» Произшел скандал непозволительный. На другой день случай был обличен в печати, и начала собираться коллективная подписка против «безобразного поступка» Варвары Петровны, не захотевшей тотчас же прогнать генерала» [12, с. 22].

Ввиду тяжелого материального положения многие офицеры уже в царствование Николая I старались перейти на гражданскую службу, потому что хотя чиновники получали гораздо меньшее жалованье, но возможностей для личного обогащения за счет фактически узаконенных взяток у них имелось гораздо больше.

Вследствие этих обстоятельств русский офицерский корпус, как уже указывалось выше, был неоднороден во всех отношениях. Его численность в начале XIX века колебалась в пределах 20–30 тыс. человек.

Отдельно, и во многом изолированно и от армии, и от гвардии находились морские офицеры. Они, без сомнения, были одними из самых высокообразованных представителей русского офицерского корпуса и самыми высокооплачиваемыми – их жалованье в полтора-два раза превышало жалованье офицеров и армии, и гвардии. Фактически по своему статусу они приравнивались к гвардейским офицерам и, как правило, были потомственными дворянами, хотя представителей высшей аристократии среди них было намного меньше, чем в гвардии. Но среди этой категории офицерского корпуса была сильно распространена преемственность – фамильные династии среди них не являлись чем-то необычным. Абсолютным рекордсменом

по числу получивших чин контр-адмирала и выше в императорском флоте являлся род дворян Зеленых – 10 человек. Также известны династии Бутаковых, Римских-Корсаковых, Тыртовых, князей Путятиных и ряд других [13].

Но морские офицеры, хотя и пользовались уважением в обществе, никогда не считались завидными женихами. Эту ситуацию в начале XX века отчетливо отразил князь В. Н. Трубецкой в своих «Записках кирасира»: «При своем бесконечном оптимизме я никогда серьезно не задумывался над тем, во что же превратится наша семейная жизнь, когда я стану моряком и каково будет моей женушке сидеть на берегу у синего моря в постоянной разлуке со мной... Ведь собственно жить вместе мы будем с женой только урывками. Хороший моряк должен быть в море. Хороший муж должен быть на берегу у семейного очага. Совместить же море с семейным очагом невозможно, а женушку на крейсер взять нельзя... А до чего сильны были мои симпатии ко всему морскому!». Поэтому он и выбрал, в конечном счете, службу в лейб-гвардии Кирасирском полку.

Безусловно, лейб-гвардейские полки в России, как и во многих европейских армиях, пользовались особыми привилегиями, поскольку на службу в них солдаты и офицеры отбирались самым тщательным образом. Приставка «лейб» (нем. – тело) означала, с одной стороны, что данное подразделение непосредственно охраняет монарха и его семью, а с другой, – указывала на особую близость царствующих лиц к данным воинским формированиям. По традиции, идущей от Петра I, мужские представители рода Романовых причислялись к гвардии и обязаны были проходить в ней службу. Сами царствующие императоры или императрицы являлись полковниками и шефами гвардейских полков, в первую очередь, Преображенского, и числились в нем в 1-м батальоне. Поэтому этот батальон всегда называли «государевым».

До начала Отечественной войны в гвардию входило 12 полков (6 пехотных и 6 кавалерийских), но в 1813 году ее состав расширился: туда дополнительно включили два гренадерских и один кирасирский полки. Новые полки, по аналогии с наполеоновской армией, стали называть «молодой гвардией», отличая ее от «старой», более привилегированной (у той преимущество в старшинстве перед армейскими офицерами было в два чина, а у «молодой» – только в один). Это различие сохранялось вплоть до царствования Александра III. Иногда в шутку солдат и офицеров «молодой гвардии» называли «гвардионцами».

Естественно, что выделение особых привилегированных полков, офицерами в которых были в основном представители высшего дворянства, резко усиливало трения между ними и обычными армейскими полками. Как вспоминал барон Н. Е. Врангель: «Русское офицерство после проигранной Крымской кампании стало пасынком самодержавного правительства и мишенью клеветы и ненависти нашей близорукой интеллигенции. Правительство держало офицеров (за исключением гвардии) в черном теле, впроголодь. Будущности у армейских офицеров не было, в старости им грозила нищета...». Такое положение сохранялось вплоть до падения империи. Вот как немецкий офицер Г. фон Базедов описывает социальный аспект службы в русской гвардии в начале XX века. Его наблюдения интересны тем, что многое из этого описания соответствовало и реалиям начала XIX века: «В петербургском обществе встречаешься только с офицерами гвардейских полков или с пользующимися особыми служебными преимуществами. Армейский офицер не имеет в обществе никакой роли... Выражение «армейский» имеет почти презрительный оттенок. Только пехотные полки больших городов, отдельные кавалерийские полки и офицерский корпус артиллерийских и инженерных частей пользуются большим уважением». Это пренебрежение усиливалось еще и тем обстоятельством, что армейских офицеров, как правило, не допускали в великосветские салоны, где собиралась в основном высшая аристократия.

Необходимо отметить, что служба в гвардии была престижной не только потому, что та была близка к императорской фамилии, но и потому что исторически она выполняла важнейшие политические функции, в частности, обеспечивала порядок престолонаследия. Весь

XVIII век в России был эпохой дворцовых переворотов, осуществляли который гвардейские полки. Вне всякого сомнения, они в этих переворотах были лишь инструментом в руках часто безымянных и не всегда дружественных России сил. Так убийство императора Павла I, как известно, было подготовлено и совершено гвардейскими офицерами при участии английского посла лорда Ч. Уитворта. Если вспомнить, что одним из главных предводителей этого заговора был последний фаворит Екатерины II и выходец из гвардии князь П. А. Зубов, который, как язвили современники, благодаря «постельной отваге» к 29 годам получил все высшие награды Российской империи – чин генерал-адъютанта и генерала от инфантерии, начальника Черноморского флота и т. д., – то становится понятным, что служба в гвардии использовалась как трамплин для последующего занятия важнейших государственных и военных должностей.

Эта традиция, конечно, не в такой форме, как при Екатерине II, продолжалась вплоть до 1917 года и привилегии гвардии, в том числе преимущество в чинопроизводстве, сохранялись, невзирая на постоянную критику такого положения дел со стороны многих военных писателей. Как отмечает историк С. В. Волков, даже в начале XX века гвардейские офицеры достигали чина полковника гораздо быстрее, чем армейские (в среднем 21 год службы и 28,2 года соответственно).

Служба в гвардии позволяла делать карьеру и на гражданском поприще. Так белоэмигрант генерал П. И. Залесский в своих воспоминаниях писал, что министр финансов граф Е. Ф. Канкрин представил Николаю I кандидатом на пост товарища, то есть своего заместителя, одного из гвардейских офицеров. На резонный вопрос императора – знаком ли тот с финансовыми делами и служил ли он в министерстве, Канкрин ответил – «нет, не служил, но он из Конной гвардии». После такого «убедительного» ответа император принял кандидатуру представленного офицера [14, с.146].

Во многом такое повышенное внимание к гвардейцам объяснялось тем, что, по выражению императора Александра I, каждый офицер гвардии – это член императорской семьи. И это его утверждение относилось ко всем сторонам жизни гвардейских офицеров, в том числе и личной. В узких аристократических кругах было хорошо известно о романе жены Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны с кавалергардским офицером А. Я. Охотниковым. Дочь, родившаяся от этой связи, умерла, не достигнув возраста двух лет, причем об этом романе знал император, но дал согласие признать родившуюся девочку своей. Такая же ситуация повторилась и в начале XX века, когда сестра царя Николая II великая княгиня Ольга Александровна вступила в интимные отношения с офицером лейб-гвардии Кирасирского полка Н. А. Куликовским, поскольку ее брак с принцем П. А. Ольденбургским был фиктивным. Во время Первой мировой войны в 1916 году она официально узаконила отношения со своим любовником.

Но такая близость переплеталась и с определенными опасениями по отношению к гвардии со стороны царствующего императора, поскольку традиции дворцовых переворотов сохранялись достаточно долго. Особенно явственно это проявилось в восстании декабристов в 1825 году, которое организовали и в котором участвовали многие гвардейские офицеры – примерно 100 человек из около 800–900 их общей численности. При этом офицеры одного из самых престижных кавалерийских полков – Кавалергардского, были наиболее активными его участниками – почти все они или участвовали, или были связаны с заговором. Его нити, как и случае с убийством Павла I, вели в Европу. После очередных допросов декабристов Николай I написал брату Константину в Варшаву: «Дело становится все более серьезным вследствие своих разветвлений за границей и особенно потому, что все, здесь происходящее, по-видимому, только следствие или скорее плоды заграничных влияний» [15].

Рисунок К. Кольмана. Восстание 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. 1830-е гг.

Отчасти данные факты объясняются тем обстоятельством, что многие декабристы, в том числе офицеры, были масонами, о чем будет изложено ниже.

Но, невзирая на эти непростые отношения с правящей династией, гвардия свято оберегала свои традиции и сохраняла определенную независимость от императора в своих внутренних делах. В первую очередь, это касалось права полковым офицерским собраниям самим принимать в свою среду и самим исключать из нее офицеров. На данные решения не мог повлиять даже император. Это же положение относилось и к порядку продвижения по службе. Известен случай, что когда в начале 1850-х гг. Николай I хотел назначить адъютантом лейб-гвардии Конного полка своего протеже М. И. Черткова, а его командир генерал-майор П. И. Ланской был против. Император вынужден был согласиться с ним. «Взялся поинтриговать, и не выгорело, – сказал царь, – я люблю, чтобы мне так служили».

Поэтому представлять российских императоров, в частности Николая Павловича, только примитивными солдафонами, как это делали многие представители либеральных кругов, повторяя, в сущности, все то негативное, что печаталось о них в европейских изданиях, по меньшей мере, неверно. Кто-кто, а правящий класс европейских стран был един в своих оценках российских самодержцев, начиная от печальной памяти маркиза А. де Кюстина до основоположников «самого передового учения» – К. Маркса и Ф. Энгельса. И дело, конечно, не в личности того или иного российского монарха – проблема гораздо глубже.

Этот традиционный дух независимости немало способствовал тому, что, хотя гвардия постепенно лишилась политического влияния, но, тем не менее, оппозиционные силы постоянно пытались использовать ее против действующей власти. Эта тенденция значительно усилилась в начале XX века. Так, в конце мая 1906 года среди солдат лейб-гвардии Преображенского полка распространились слухи, что их хотят заставить усмирять революционные мятежи. Но они не хотели выполнять полицейские функции, а старослужащие выражали недовольство тем, что им в связи с этим задерживали увольнение. Была составлена, не без помощи агитато-

ров, соответствующая петиция императору, после чего первый «государев» батальон вместе с офицерами был переведен в армию, а зачинщики этого действия отданы под суд [16].

Невзирая на то обстоятельство, что в гвардии служили, как правило, состоятельные дворяне, экономическое положение ее офицеров очень сильно различалось. Уже в начале XIX века среди них было много лиц, живущих только на жалованье, и к тому же обремененных долгами. От их финансового положения во многом зависел выбор и гвардейского полка, и досуг, который был сопряжен с выполнением светских обязанностей. Представители самых знатных аристократических родов, как правило, служили в Кавалергардском и Преображенском полках, самым дорогим полком считался лейб-гвардии Гусарский, в лейб-гвардии Конном полку стремились служить в основном представители остзейского (прибалтийского) дворянства. Но даже в самых престижных полках далеко не все офицеры были богатыми. Так, например, офицер Преображенского полка Д. Г. Колокольцев, служивший в нем с 1831 по 1846 гг., вспоминал: «Материальное положение не позволяло офицерам снимать дорогие квартиры в центре города». Но не только младшие, то есть обер-офицеры были стеснены в средствах. Так с 1839 по 1847 гг. командиром Кавалергардского полка был генерал-майор барон И. А. Фитингоф, не имевший состояния и живший исключительно на жалованье. В 1841 году он писал своему другу и бывшему сослуживцу отставному полковнику Бобоедову: «Еще могу тебе сказать, что служба моя идет не дурно, но дурно то, что не остается копейки на черный день, а о детях надобно подумать. Но Бог и царь помогут, и ежели было бы только прежнее здоровье, то и далее служба покормит. Завидую вам всем, которые дома живете, как бы и я желал, но рано еще, нечем без службы жить».

Генерал К. Ф. Багговут, служивший в лейб-гвардии Московском полку с 1828 по 1842 гг., приводит такой пример: «В мое время были офицеры в полку и крайне бедные. У нас была одна квартира, где жили трое очень исправных офицеров; свое небольшое жалование они почти все употребляли на то, чтобы быть чисто одетыми... так что зачастую им было не на что пообедать» [15].

Картины и рисунки знаменитого русского художника П. А. Федотова показывают бедность и офицеров лейб-гвардии Финляндского полка, в котором одно время служил и сам художник. Отсюда и браки по расчету, которые были нередким явлением в офицерской среде.

Федотов П. А. Сватовство майора. 1851 год.

Таким образом, русская гвардия в целом представляла собой достаточно неоднородные воинские соединения. Одни полки Гвардейского корпуса были элитными, другие несколько ниже по статусу, а относящиеся к «молодой гвардии» считались непрестижными. Отдельные привилегированные полки встречались с остальной гвардией в исключительных случаях, как правило, на маневрах и парадах и, конечно, на войне.

Безусловно, это различие, хотя и не столь резкое каким оно представляется со стороны, иногда оказывалось роковым для офицеров, принадлежащих к разным полкам и имевшим разный социальный статус. Это подтверждает известная история с дуэлью поручика лейб-гвардии Семеновского полка К. П. Чернова и флигель-адъютанта В. Д. Новосильцева в сентябре 1825 года и закончившаяся смертью обоих. Причиной дуэли стал отказ Новосильцева под влиянием своей матери жениться на сестре Чернова – Екатерине, которой он предварительно дал это обещание [17]. Необходимо подчеркнуть, что поручик Чернов случайно оказался офицером гвардии, он был переведен в нее после на шумевшего «семеновского дела» 1820 года, закончившегося расформированием этого полка.

Поскольку секундантом у Чернова был его двоюродный брат и один из руководителей декабристов – поэт К. Ф. Рылеев, то этой дуэли было мгновенно придано политическое звучание. Друг Пушкина декабрист В. К. Кюхельбекер написал стихи «На смерть Чернова», в которых политическая составляющая этой дуэли выражена достаточно четко:

...Клянемся честью и Черновым!
Вражда и брань временщикам,
Царя трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!..

Особенно, конечно, забавляет тирада Кюхельбекера «о тиранах нас угнесть готовым», как будто ее написал не дворянин, окончивший привилегированное учебное заведение – Царскосельский лицей, а самый последний забитый крепостной крестьянин.

Эта дуэль, отчетливо характеризующая противоречия между ценностными понятиями в раннее, казалось бы, единой среде дворянского служивого сословия, была не первой и не последней в России. Большой шум наделала в 1807 году аналогичная по причинам дуэль между полковником лейб-гвардии Преображенского полка Д. В. Арсеньевым и польским графом И. Хребтовичем. Арсеньев имел безупречную светскую репутацию, дружил с будущим генерал-фельдмаршалом и светлейшим князем М. С. Воронцовым, а также с сыном великого русского полководца генерал-адъютантом А. А. Суворовым и офицером лейб-гвардии Преображенского полка известным поэтом С. Н. Мариним. Как вспоминал декабрист князь С. Г. Волконский: «Арсеньев был уже давно влюблен и искал руки фрейлины... девицы Ренни. Его желания были увенчаны успехом, и он был объявлен ее женихом... Эта помолвка получила полную гласность. Едва несколько дней по одной граф Хребтович, богатый помещик польский, влюбленный также в девицу Ренни, не принимая в уважение бывшую помолвку, себя предложил в соискатели руки этой молодой девушки. Мать ее, прельщенная богатством гр. Хребтовича, уговорила свою дочь отказать уже в данном с ее согласия обещании Арсеньеву отказать ему в своей руке и принять предложение Хребтовича».

На дуэли Арсеньев был убит, что не помешало графу Хребтовичу через некоторое время жениться на фрейлине Ренни.

Такого рода события не являлись редкостью не только в офицерской, но и в целом в дворянской среде.

Вместе с тем корпоративная солидарность и определенная независимость русского офицерства обеспечивалась еще и тем, что как в гвардии, так и в армии полк был не просто воинским подразделением, а своего рода «полковой семьей». В ней солдат и офицеров объединяли воинские традиции, подвиги предков-однополчан, мундиры, по которым всегда узнавали своих, главные святыни – знамена (или кавалерийские штандарты), литавры, иконы и другие реликвии, отношение к которым было «трепетным и высоким» [18]. Поэтому в «Заповедях товарищества», которые генерал-инспектор военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович в 1913 году разослал от своего имени по всем кадетским корпусам и военным училищам, укреплению традиций войскового братства, войскового товарищества, основанных на доверии и готовности к самопожертвованию, было уделено первостепенное внимание.

По прибытии в полк новых офицеров им объяснялось, что, имея честь носить военный мундир, офицер всегда и везде должен помнить, что по его действиям составляется общественное мнение о достоинстве всего полка. То есть он должен заботиться не только о своей личной чести, но и о чести своей воинской части.

Очень многие солдаты и офицеры даже после ухода в отставку всегда помнили о своей военной службе. Для примера можно привести воспоминания одного из ветеранов лейб-гвардии Кексгольмского полка: «Двигаясь в походной колонне по улицам местечка... батальонный командир заметил почтенного старика, который при виде наших мундиров снял шапку и вытянулся. – Ты что, дед? – спросил батальонный командир. – Почему стоишь смиренно? – А как же, – ответил старик, – ведь это же мой родной полк. В таком вот мундире я, батюшка мой, еще на туретчину ходил. Батальонный повернул коня и помчался к полковому командиру. Генерал приказал развернуть все 16 знамен, и мы торжественным маршем, под музыку, с развернутыми знаменами прошли перед ветераном...».

Распространенным заблуждением является мнение, что гвардейские части выполняли только чисто церемониальные функции при дворе императора, хотя парады, войсковые смотры, маневры, полковые праздники являлись неотъемлемой и очень важной частью куль-

туры русского общества начала XIX века [19]. В этих частях, как правило, отрабатывались и современные способы ведения боевых действий, и испытывалось самое новое оружие. Поэтому состав, вооружение, обмундирование и степень подготовки российской императорской гвардии всегда были на уровне лучших европейских армий.

Форма русской армии, а тем более гвардии, по признанию французских военных историков, считалась красивейшей в Европе. Грибоедов поэтически отразил этот факт в своей знаменитой комедии «Горе от ума»:

Мундир! один мундир! Он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, —
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Отношение к мундиру в России часто имело почти сакральный смысл – отсюда и выражение «честь мундира». Известен исторический факт, что когда в 1821 году во время торжественного ужина полковник лейб-гвардии Московского полка Г. А. Римский-Корсаков, вопреки существующим правилам, расстегнул мундир, то этого нарушения устава оказалось достаточным для его вынужденного ухода в отставку. Император Александр I приказал: «Мундира (т. е. права его ношения. – Авт.) Корсакову не давать, ибо замечено, что оный его беспокоит». И это была отнюдь не прихоть самодержца, а знак уважения к мундиру как символу армии и государства. Сам Александр I всегда подавал личный пример своим офицерам – по воспоминаниям современников и в обычной жизни, и в походе он отличался безукоризненной военной выправкой. Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский писал, – глядя на императора всем казалось, что он «был не на войне, но поспешал на какой-нибудь веселый праздник» [20].

Таким образом, офицерский мундир в определенной мере олицетворял государство, они были единым целым и эти понятия нельзя было разделить. Эту мысль ясно выразил знаменитый генерал граф А. И. Остерман-Толстой, когда сказал одному из иностранцев на русской службе: «Для вас Россия мундир ваш – вы его надели и снимите, когда хотите. Для меня Россия – кожа моя». Как вспоминал в эмиграции Ю. В. Макаров, служивший до февральской революции в чине капитана в лейб-гвардии Семеновском полку: «Старое Российское государство офицеров своих содержало полунищенски, но внешнее уважение офицерскому мундиру оказывалось всюду, и на улице и в частной жизни».

Эти традиции и ценности, передававшиеся из поколения в поколение, немало способствовали тому, что высокие боевые качества русская армия, и особенно гвардия, демонстрировали вплоть до падения Российской империи. Так, лейб-гвардии Сводный полк, сформированный в 1826 году из причастных к восстанию декабристов гвардейских солдат и офицеров и отправленный в том же году на Кавказ, проявил себя там с наилучшей стороны. За два года боевых действий в упорных и кровопролитных боях полк потерял почти половину своего личного состава [21, с. 92].

В период службы Лермонтова в Петербурге командиром Гвардейского корпуса (с 1826 по 1849 гг.) был младший брат Николая I великий князь Михаил Павлович.

*Крюгер Ф. Портрет великого князя Михаила Павловича.
Начало 1830-х гг.*

Как вспоминали современники, его требовательность и строгость внушали страх многим военным, но вместе с тем любовь к военной службе, а также справедливость и отзывчивость, чувство юмора у Михаила Павловича были общепризнанными.

Для гвардии великий князь был вторым лицом после императора, несмотря на то, что военный министр граф А. И. Чернышев был выше его по должности.

Долгое время руководивший военно-учебными заведениями Российской империи, он особое значение придавал воспитанию будущих офицеров. Его напутствие им ясно доказывает, насколько великий князь был предан своему призванию: «Военная служба, сия благороднейшая служба, сколь представляет она вам в будущем славы!... Помните всегда, что настоящая честь военного человека состоит в благородном поведении» [22].

Михаил Павлович охотно прощал подчиненным офицерам различного рода проделки, если при этом они проявляли находчивость, наблюдательность и острый ум. Его любимцем был друг Лермонтова офицер лейб-гвардии Преображенского полка К. Булгаков, легенды о проказах которого передавались гвардейскими офицерами из поколения в поколение. Вот, например, одна из них: во времена Николая I офицерам запрещалось носить галоши, а Булгаков в один из дней нарушил это требование и вышел в них на улицу. Это заметил великий князь и приказал: «Булгаков! Галоши?! На гауптвахту!». На следующий день Михаил Павлович приехал освободить Булгакова, но, к своему удивлению, нашел на гауптвахте только его галоши. Послали за Булгаковым и когда тот прибыл, то великий князь гневно спросил его, как он посмел не исполнить его приказание. «Исполнил, ваше высочество, – ответил Булгаков, – вы изволили сказать: «Галоши на гауптвахту», вот я и отнес их».

В этой, казалось бы, анекдотической истории заложен глубокий смысл – любой приказ должен иметь однозначное толкование, в противном случае неизбежна путаница, что в условиях боевых действий может привести к бессмысленной и напрасной гибели личного состава.

Обратной стороной привилегированного положения гвардии был, как уже упоминалось выше, растущий антагонизм с армией и необоснованное продвижение многих гвардейских офицеров. «Дело уходило далеко на задний план в погоне за карьерой, которая делалась связями, протекцией, знакомствами, угодливостью, формой и внешностью» [14, с. 141].

Больше всего во времена Николая I раздражал солдат и офицеров как в армии, так и в гвардии упор на внешнюю сторону военной службы, своеобразная «парадомания», «шагистика», «фрунтomanия», «наука складывания плаща». Вот как об этом писал генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, которого еще Александр I называл лучшим генералом в армии: «После 1815 года, фельдмаршал Барклай-де-Толли, который знал войну, подчиняясь требованиям Аракчеева, стал требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преследовал старых солдат и офицеров, которые к сему способны не были, забыв, что они недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россию».

Прославленный партизан, генерал и поэт Д. В. Давыдов связывал расцвет «акробатства» напрямую с царствованием Николая I: «Он и брат его великий князь Михаил Павлович не щадит ни усилий, ни средств для доведения этой отрасли военного искусства до самого высокого состояния... Как будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирных экзерциций на Марсовом поле. Прослужив не одну кампанию и сознавая по опыту пользу строевого образования солдат, я никогда не позволю себе безусловно отвергать полезную сторону военных уставов; из этого, однако, не следует, чтобы я признавал пользу системы, основанной лишь на обременении и притуплении способностей» [19].

Эти, во многом справедливые, суждения со стороны выдающихся и образованных офицеров того времени отражают их достаточно взвешенные подходы к подготовке и воспитанию войск в мирное время. Понятно, что соотношение между строевой и чисто боевой подготовкой во времена Николая I менялось в пользу первой. Но несомненно также и то, что строевая подготовка необходима не только для создания показного блеска, как в этом пытались убедить всех либеральные мыслители, но и для других целей. Каких, возникает вопрос? Во-первых, в строю и солдат, и офицер ощущают себя частью чего-то большего, чем просто обычное собрание людей. Они ощущают себя единым целым, когда отдельная взятая личность растворяется в личности других воинов, и каждый готов пожертвовать собой ради другого, порой даже не осознавая этого. Во-вторых, в строю каждый понимает друг друга без слов, иногда просто по взгляду или жесту. То есть воинское подразделение действует как единый механизм, а это одно из главных условий победы в бою. Недаром во время Египетской кампании Наполеон сказал: «Десять мамелюков всегда победят десять французов, сто мамелюков и сто французов будут сражаться на равных, тысяча французов всегда побьют тысячу мамелюков».

Ну и, наконец, в-третьих, а разве внешняя красивость не имеет значения? Нет ничего непригляднее распущенных военных, а гвардейские офицеры тем и славились, что в любой обстановке они поддерживали свой внешний вид на высоте. Всегда элeгантные, невозмутимые, физически сильные – они невольно внушали уважение всем, кто с ними сталкивался. Это были те качества, которые они сохранили вплоть до революций 1917 года, уничтоживших русскую императорскую гвардию. А отношение к ней в начале XIX века ясно выразил Грибоедов в своей комедии «Горе от ума»:

Предубеждения Москвы

К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам; Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!

1.3 Быт, психология и мировоззрение русских офицеров гвардии

Быт гвардейского офицера определялся во многом воинскими традициями и близостью к великосветскому обществу и императорской фамилии.

В целом общественные взгляды гвардейского офицера очень точно выразил Толстой в своем знаменитом романе «Анна Каренина», когда описывал отношение графа Вронского к женщинам: «В его петербургском мире все люди разделялись на два совершенно противоположные сорта. Один низший сорт: пошлые, глупые и, главное, смешные люди, которые веруют в то, что одному мужу надо жить с одною женой, с которою он обвенчан, что девушке надо быть невинною, женщине стыдливою, мужчине мужественным, воздержным и твердым, что надо воспитывать детей, зарабатывать свой хлеб, платить долги, и разные тому подобные глупости. Это был сорт людей старомодных и смешных. Но был другой сорт людей, настоящих, к которому они все принадлежали, в котором надо быть, главное, элегантным, красивым, великодушным, смелым, веселым, отдаваться всякой страсти не краснея и над всем остальным смеяться» [23, с. 88–89].

Такое отношение, в сущности, поощрялось в высшем свете. Но все-таки интересы службы и, конечно, карьеры у гвардейских офицеров всегда стояли на первом месте. Толстой подчеркивает это обстоятельство, когда рассказывает о реакции матери Вронского на роман ее сына с Анной Карениной: «В последнее время она узнала, что сын отказался от предложенного ему, важного для карьеры, положения, только с тем, чтоб оставаться в полку, где он мог видаться с Карениной, узнала, что им недовольны за это высокопоставленные лица». Отсюда и ее негативная реакция на поведение сына. Старший брат, – пишет далее Толстой, – по этой же причине был недоволен младшим. «Он не разбирал, какая то была любовь, большая или маленькая, страстная или не страстная, порочная или не порочная (он сам, имея детей, содержал танцовщицу и потому был снисходителен на это); но он знал, что это любовь, не нравящаяся тем, кому нужно нравиться, и потому не одобрял поведения брата» [23, с. 134]. Эти суждения родных Вронского вполне можно понять – ранее по такому поводу Пушкин писал:

...Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них...

Возможно поэтому, чтобы избежать громких скандалов, гвардейские офицеры часто увлекались женщинами, имевшими более низкий социальный статус, как правило, актрисами императорских театров. Для этого сложились вполне благоприятные обстоятельства – во времена Николая I возникла мода на балет и поэтому в балетные труппы отбирали, как правило, исключительно красивых, одаренных и обаятельных девушек из низших сословий. Состоятельные гвардейские офицеры прекрасно знали самых красивых актрис и достаточно часто брали их на содержание. Фактически женские театральные труппы того времени были своего рода гаремом для мужской части императорской семьи и высшей аристократии и, конечно, для самого императора. Будущих актрис к этому готовили с начала их поступления в театральное училище, и сам Николай I подавал своим подчиненным пример, прямо скажем, не лучшего отношения к будущим балеринам – он называл эти увлечения «васильковыми дурачествами».

М. Ю. Лермонтов. Бивуак лейб-гвардии гусарского полка под Красным Селом. 1835 год.

На переднем плане акварели – группа из одиннадцати человек, поименно перечисленных на медной дощечке, прикрепленной к старинной раме: «1. Корнет князь Николай Сергеевич Вяземский лежит. 2. Ротмистр Григор. Витт с вахмистром Докучаевым вдали. 3. Штаб-ротмистр Алекс. Григорьевич Ломоносов сидит на ковре. 4. Ротмистр Ив. Ив. Ершов стоит слева руки позади. 5. Посланник в Бразилии Сергей Григорьевич Ломоносов. 6. Поручик Яковлев сложа руки на груди. 7. Флигель-адъютант ротмистр Ираклий Абрамович Баратынский. 8. Корнет князь Витгенштейн, с трубкой в руке. 9. Корнет князь Александр Егорович Вяземский, рассказывающий полковнику князю Дмитрию Алексеевичу Щербатову, который сидит на складном стуле, о похищении из Императорского Театрального училища воспитанницы, танцовщицы, девицы Кох». Источник Акварели и рисунки Лермонтова. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/texts/selected/k80/k80-015-.htm>.

Впрочем, и до него богатые и знатные вельможи не отличались строгостью нравов, так при Екатерине II князь Безбородко взял на содержание балерину Ольгу Каратыгину, которая родила ему дочь, после чего он выдал ее замуж за правителя своей канцелярии [24, с. 25].

Вследствие такого положения имена многих выдающихся актрис хорошо знали в высшем свете. Одну из них – балерину Е. И. Истомину прославил Пушкин в своей поэме «Евгений Онегин». С ней была связана нашумевшая история с дуэлью между кавалергардом графом В. В. Шереметевым и камер-юнкером графом А. П. Завадовским, в результате которой Шереметев был тяжело ранен и скончался через сутки после поединка.

Летом 1835 года в Петербурге в великосветских салонах оживленно обсуждали историю с исчезновением актрисы Софьи Кох, которая имела несчастье понравиться самому императору. Но к этому времени она уже имела молодого возлюбленного – корнета лейб-гвардии Гусарского полка князя А. Е. Вяземского, который с помощью своего друга офицера-преображенца Васильева выкрал ее из театрального училища и переправил в Данию. После этого «дерзкого» поступка по распоряжению императора они оба были отправлены на Кавказ. Лермонтов запечатлел главного героя этой скандальной истории в своей акварели «Бивуак лейб-гвардии Гусарского полка под Красным Селом».

Можно отметить, что соперничество из-за женщин и даже похищение чужих жен не было таким уж редким событием в офицерской среде, поэтому сюжет поэмы Лермонтова «Тамбов-

ская казначейша», скорее всего, был взят из реальной жизни. Прославился такой историей уже на пике своей карьеры одноклассник Лермонтова по гвардейской Школе – генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский, о чем будет рассказано ниже.

Хороший знакомый великого поэта и его возможный секундант на дуэли с Мартыновым князь С. В. Трубецкой в 1851 году похитил замужнюю барышню – Л. А. Жадими-ровскую, пытался сбежать с ней за границу, но был задержан, арестован и разжалован в солдаты. И другие, похожие на этот, события иногда оборачивались глубокой душевной трагедией – вспомним замечательный рассказ И. А. Бунина «Солнечный удар», главный герой которого – безымянный поручик не может забыть свою случайную подругу. Такого рода романы были обыденным явлением среди офицеров, поскольку жениться они могли только после получения разрешения полкового командира и офицерского собрания. В гвардейских полках к тому же собирали сведения о семье и происхождении невесты, и если ее кандидатура не устраивала по каким-либо причинам офицеров полка, то претенденту на ее руку предлагалось либо отказаться от женитьбы, либо подать в отставку.

Кроме великосветских развлечений обычным времяпровождением в офицерской среде была карточная игра. Это увлечение подробно описано в «Капитанской дочке» Пушкина, в повести «Фаталист» Лермонтова, в романе «Война и мир» Толстого и в других произведениях классиков русской литературы. В своей поэме «Тамбовская казначейша» Лермонтов отмечает, что ее главный герой штаб-ротмистр Гарин – «отцовское имя еще корнетом прокутил», после чего поддерживал свое материальное положение исключительно игрой в карты. Для определенных представителей разоряющегося дворянства и офицерства это занятие становилось постоянным «промыслом», неверным, но легким и поэтому зачастую весьма привлекательным способом обогащения. Неудивительно, что вследствие этого отмечались многократные случаи шулерства, но в случае выявления таковой склонности виновного навсегда исключали из дворянского общества, а офицеров вынуждали уходить в отставку. Убийцу Лермонтова Мартынова подозревали именно в этом пороке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.